

Дисциплина — это свобода и безопасность школы.

Как школе воспитать ответственного человека

В последние годы мы то и дело слышим об экстремальных ситуациях: авария на Саяно-Шушенской ГЭС, трагедия в Пермском ночном клубе «Хромая лошадь», взрывы на шахтах, крупные аварии на дорогах и в воздухе. Гибнут сотни людей. Причиной этих катастроф называют «человеческий фактор». А на самом деле за этим эвфемизмом — нарушение правил, технологической дисциплины и полная безответственность. Как же школе воспитать ответственного, дисциплинированного человека?

Валерий Созонов,
доцент кафедры
воспитания
и дополнительного
образования
Института
повышения квалифи-
кации и переподго-
товки работников
образования
Удмуртской
Республики,
кандидат
педагогических
наук

«Скучная это тема» — скажут наверняка многие мои коллеги. Возможно, они правы. Конечно, веселее изобретать новые звонкие слоганы: «пространство детства», «организационная культура» и так далее. Всё это, разумеется, имеет свой смысл. Но для неискущённого в науке школьного учителя, а уж тем более ученика, границы этих понятий размыты и в общем далеки от практики, их можно услышать разве что на казённом педсовете или на курсах повышения квалификации. А школьники о них и не подозревают.

По большому счёту «пространства детства» — это образное определение среды обитания детей, среды в той или иной степени педагогизированной, культурной. В этой среде растут наши многострадальные ученики, здесь соседствуют требования и их исполнение, справедливость, а нередко и бесправие. В этой среде сверхпривычным понятием стало такое, как дисциплина школьника, школьная дисциплина. (Discipliŋa — от латинского обучение, воспитание). Это понятие воспринимается сообществом практиков как данность — как температура тела, как воздух, которым дышим и о которых нечего лишней раз думать. Зачем «на пустом» месте теоретизировать, а уж тем более с этой данностью работать? Но это до тех пор, пока ничего не случилось. Как только что-то случится, мы начинаем срочно «укреплять» дисциплину.

...Откровенно признаюсь: я не знаю, насколько этот школьный феномен исследован современными учёными. Например, в последнем академическом учебнике для педагогов «Общие основы педагогики» (2006 г.) под редакцией академиков В.В. Анисимова, О.Г. Грохольской, Н.Д. Никандрова раздела «Дисциплина» вообще нет, да, по-моему, и само слово

нигде не упоминается... Видимо, и современным теоретикам педагогики эта проблема неинтересна. Зачем ею заниматься? Гораздо интереснее рассуждать о воспитательных системах, о новейших образовательных технологиях, чаще всего о наших же, отечественных, только с большим опозданием вернувшихся в российскую школу. Я же как практик, как бывший директор школы уверен, что **дисциплина — важнейшая, актуальнейшая педагогическая воспитательная категория**. Именно она стоит у истоков воспитания таких качеств, как ответственность, нравственность человека, а в целом — **правовое сознание граждан нашей страны**. Сегодня наши граждане совсем запутались в вопросе, какое же общество мы построили? Поэтому на всероссийском августовском педсовете самое время поразмышлять о школьной дисциплине, о её месте в жизни ребёнка, школы и страны.

Проблеме дисциплины придавали первостепенное значение все великие педагоги всех эпох и режимов. Она всегда была дискуссионной. Во-первых, потому, что дисциплина — это то, с чем ребёнок не рождается, то, чего в нём от природы нет, то, что необходимо в него «вложить» воспитанием. **Дисциплинированность детей и дисциплина в школе — всегда результат воспитания, который очень важен для характеристики детей и оценки школы**. Это действительно «температура школьного тела», сигнализирующая о его здоровье или о болезни. Мнение о том, что в этой школе или классе «нет дисциплины», звучит в устах родителей, как приговор: **это плохая школа и плохой класс, туда ребёнка отдавать не следует**.

Во-вторых, дискуссионность понятия «дисциплина» (определённый порядок, следование норме) часто воспринимается людьми как противопоставление свободе, ограничение, принуждение, лишение человека чего-то. К сожалению, и у большинства учителей и школьников слово «дисциплина» ассоциируется с запретами, наказаниями и потому часто вызывает отрицательные эмоции. Сегодня модно говорить о гуманности и гуманизме как синониме свободы и отсутствия ограничений. Может быть, поэтому в педагогической публицистике авторы стесняются писать на эту тему. А зря. Решение вопроса дисциплины — **это решение проблемы сохранения детской, школьной свободы как главного условия здорового развития ребёнка**. Уверен: дисциплина — **общий, беспристрастный и бескомпромиссный защитник всех жителей школы**. Постараюсь это доказать.

Как известно, существует четыре основных способа дисциплинирования: болью и страхом; честью и возвышением самолюбия, порицанием, даже исключением из общества (тюрьма). Странники «свободного воспитания» категорически отрицают саму попытку учителей специально заниматься воспитанием дисциплины, считая, что это приведёт только к обратным результатам: «сломает» детей. Американский педагог-исследователь Александр Нилл утверждал, что ребёнок сам научится дисциплине, если организовать его жизнь правильно, то есть дать ему возможность заниматься делом, отвечающим его желанию, но много ли у нас возможностей делать только то, что хочется? Жан-Жак Руссо считал, что в основе воспитания дисциплины лежит «хорошо поставленная свобода». Никаких искусственных, педагогически организованных за-

претов. «Молодые наставники! — восклицал он. — Я вам проповедую трудное искусство — управлять без предписаний, делать всё, ничего не делая!». Образно, эмоционально, но... Джон Дьюи также отрицал всякое насилие, утверждая «чувство социального сотрудничества и общности жизни», в основе которых лежат ум и разумно организованный коллективный труд. Но возможен ли «разумно организованный труд» без соблюдения дисциплины?

Наш отечественный педагог Пётр Фёдорович Каптерев придавал дисциплине большое значение. Её необходимость он выводил из задач совместного труда учителей и учеников: **«Совместная работа и жизнь многих невозможны без определённого порядка. Порядок есть дисциплина. Её задача — устройство личной жизни образуемого в школе в согласии с жизнью других».** И добавлял: дисциплина может быть только выработанной всем школьным сообществом. Великий советский педагог, один из основоположников научной, природосообразной педагогики Антон Семёнович Макаренко, работавший, как известно, с категорией социально травмированных детей, не мог пройти мимо этой проблемы. Он утверждал, что **«дисциплина есть свобода, она ставит личность в более защищённое, свободное положение»** (выделено мною. — В.С.). А.С. Макаренко говорил, что дисциплина украшает коллектив, что детям надо гордиться дисциплиной. Ему принадлежит замечательная формула, снявшая противоречие между дисциплиной-свободой и дисциплиной-запретом: **как можно больше требовательности к человеку и как можно больше уважения к нему.**

Итак, обобщая всё это, можно заключить, что дисциплина — **понятие для школы законное и необходимое.** Она не только не унижает ребёнка или педагога, а возвышает обоих: это условие успешной совместной работы, **это коллективная ценность,** которую необходимо созидать, беречь, всячески поддерживать. Но как с нею работать? Как включить её в пространство школьной свободы и права? Ведь наше общество хочет построить правовое государство и воспитать законопослушную личность. В чём же сущностный, потаённый смысл школьной дисциплины как правовой категории? И почему она, эта ценность, существует у практиков где-то на обочине педагогического сознания, не включённая в повседневную школьную жизнь? А ведь дисциплина — **самый главный и эффективный воспитатель, в особенности в области нравственности и правосознания.** Убеждён: если мы, педагоги, не воспитаем у школьника дисциплину, есть опасность, что **в обществе не вырастет законопослушная личность, значит, не появится и правовое государство.**

Поэт Владимир Маяковский утверждал: «Вырастет из сына свин, если сын свинёнок...». Применительно к дисциплине я аналогичных стихов не знаю. Но знаю определённо: **недисциплинированный ученик — беда всей школы.** Недисциплинированный работник не нужен работодателю. А стране он нужен? Вспомним большинство катастроф последнего времени (исключая террористические акты): в основе каждой из них — «человеческий фактор». Этим эвфемизмом вуалируется человеческое разгильдяйство, иначе говоря — **недисциплинированность.** Руководители Саяно-Шушенской ГЭС, как теперь всем известно, грубейше нарушили технологию ремонта и эксплуатации турбины. А попросту,

многократно нарушили производственную дисциплину — стержневое качество работника любой сферы и нравственной личности. В итоге — загублено 75 человеческих жизней. В Перми руководители клуба «Хромая лошадь» нарушили организационную и противопожарную дисциплину. Итог — гибель более 150 человек. Надо ли дальше перечислять трагедии? Причина одна — **отсутствие дисциплины** у людей, что во всех случаях обернулось безнравственным, циничным, преступным поведением и трагедией. И после этого вы, господа либералы, сторонники «свободного воспитания», будете продолжать работать за него, утверждать, что детям всё позволено — пусть «делают, ничего не деляя»? Если да, то вы — звери, господа...

Давайте вернёмся к здравому смыслу наших великих отечественных педагогов и будем воспитывать строгую дисциплину в детях. Феномен школьной дисциплины, конечно же, сложен, многослоен, в нём много значений. В дисциплине есть и политический смысл: для ребёнка — это первое соприкосновение с властью, которую олицетворяют учителя, воспитатели, директор. Требование родителей часто формально, родительское чадолубие часто превосходит здравый смысл, а дети их требования просто не слышат. В школе не слушаться учителя, не выполнять его требования — опасно, и с этой опасностью надо как-то ладить, что-то менять в себе. Так у ребёнка возникает **объективный мотив саморегулирования, следовательно, самовоспитания**. В дисциплине заключён и юридический, правовой смысл: впервые ребёнок живёт по достаточно строгим правилам взрослых, за нарушение которых грозит наказание, часто публичное (в семье и в детском саду всё было по-другому, не так строго). И если рядом с этой властью, среди этих законов ребёнку комфортно — он защищён, его признают и ценят, у него есть необходимое пространство для самовыражения, которое никто не нарушает, — то всё хорошо, нормально и он ощущает себя свободным. Значит, люди — товарищи и учителя и весь окружающий мир **к нему справедливы. Справедливость и защищённость — вот лакмусовая бумажка благополучия хорошо организованной школьной среды, школьного правового пространства для естественного, здорового, гармоничного развития школьного гражданина**. А ведь в основе всего этого — дисциплина. Впрочем, и взрослые воспринимают законы, готовы им подчиняться тогда, когда расценивают их как справедливые. **Любое законодательство должно опираться на прочную нравственную основу**. Отмена, например, смертной казни в стране воспринимается нашим населением отрицательно именно потому, что это несправедливо: убийца остаётся жить, а жертвы его мертвы. Справедливость власти и её законов формирует лояльное отношение граждан как к самой власти, так и к праву, воспитывает законопослушную дисциплинированную личность. В противном случае возникают отчуждение, оппозиция, правовой нигилизм. Известно, что у многих отечественных диссидентов разлад с государством начинался именно со школы: они с детства привыкли всё отрицать, противостоять обществу, ничего не созидая и ни за что не неся ответственности.

И, наконец, дисциплина в школе — оптимальное условие для формирования здорового, нравственного внутреннего мира ребёнка: **совести, стыда, достоинства, чести**. Ведь если окружающий мир ко мне жесток,

бездушен, несправедлив, мне остаётся одно: дерзить, грубить, нарушать дисциплину. Ведь это всего лишь — мой ответ на отношение ко мне, самозащита, борьба за справедливость. Я прав, а все неправы. Любая агрессия, утверждают психологи, — это возвращённая боль. В результате происходит **тяжелейшая деформация внутреннего мира ребёнка и, прежде всего, деформация потребностно-мотивационной сферы, которая управляет поведением человека.** Искажаются мотивы поведения, возникает разлад между «хочу» и «должен». Растёт «горб» в характере, а характер, как известно, — «сгусток мотивов», — утверждал известный советский психолог С.Л. Рубинштейн.

Я глубоко уверен в том, что фундаментом, на котором держится школьный уклад, основным законом, определяющим качество школьного бытия, а вместе с ним и статус ребёнка в системе внутришкольных отношений, объективно являются и должны неукоснительно выполняться **правила поведения школьника**, — ядро школьного законодательства. Это первая встреча молодого человека с законом, с долгом и ответственностью как социальным предписанием.

Читатель возразит: а как же Устав школы? Конечно, и Устав. Но думаю, что Устав для ученика — то же самое, что Конституция для нас, обывателей. До неё, как до Бога, — далеко, а в быту действует масса неписаных законов — нравственных, этических, по которым живут дисциплинированные, нравственные, ответственные перед другими люди. И только это делает нашу жизнь спокойной, комфортной. Как только какой-то подонок — жертва «свободного воспитания», которому внушили, что ему «можно всё», нарушает эти неписаные законы, так жизнь наша превращается в ад: насилие, убийства, кражи и даже, как в концлагере, — жестокие пытки. Всё это — результат полного отсутствия нравственности, в основе которой — дисциплинированность, ответственность за свои поступки.

Школьная дисциплина, материализованная в правилах поведения, — рядом, близко: на стенде, в устах педагогов; нарушением правил ученика попрекают, стыдят, наказывают, словом, используют её, но очень однобоко.

Задаю вопрос практикам: какое место занимают правила для учащегося в регулировании школьной жизни, в формировании правового сознания школьников? Да и сознания самих педагогов? Помнят ли ученики и учителя их на память? Являются ли эти правила «внутренними», то есть подлинными регуляторами поведения детей? Согласитесь: к сожалению, нет! Правила поведения не включены в подсознание детей как внутренний, автоматический регулятор. Это означает, что ученики живут на самом деле по иным правилам. Не в этом ли корни правового равнодушия, а то и правового нигилизма наших сограждан, многим из которых «закон не писан»? Ведь известно, что именно школа возвращает в человеке как всё хорошее, так и всё плохое...

Почему так происходит? Причина кроется, конечно же, в нас, педагогах, в нашей профессиональной позиции. **Это мы рассматриваем правила и используем их как инструмент принуждения учеников, как кнут, когда это нам нужно.** И только в этом качестве. Так зачем школьнику помнить их, а уж тем более выполнять, относиться с уважением? По со-

ветам дедушки Фрейда их нужно как можно быстрее вычеркнуть из памяти, из подсознания, как всё негативное. Этого требует инстинкт самосохранения школьника.

На самом же деле **любые законы человеческого общежития защищают человека, как призваны защищать ребёнка и «Правила поведения школьника»**. Это его правила, не — «для него», а его собственные. Они защищают, повторяю, его пространство, его свободу для самовыражения, самоутверждения, самореализации. **Но при одном условии: если они едины для всех и соблюдаемы всеми.**

В школе А.Н. Тубельского работал принцип: «В нашей школе каждый имеет право делать всё, **если это не нарушает прав других**». И потому школьники, конечно же, должны эти правила знать, более того, — беспрекословно следовать и, что ещё важнее, сами создавать новые правила, писанные и неписанные, но одинаково необходимые для изменяющейся жизни, заботиться об их соблюдении окружающими. И хранить их как общую для всей школы ценность. Например, правила о взаимопомощи, дружбе, сочувствии, сопереживании. Думаю, проблема подлинного школьного правового воспитания кроется и в такой задаче, как способность учителя вовлечь каждого ученика, а точнее, каждого члена школьного сообщества, будь то ребёнок или взрослый, педагог или родитель, в общую законотворческую работу. Ведь только все субъекты образовательного процесса, как мы сегодня говорим, будут считать законы своими. И только в этом случае будут их исполнять и требовать исполнения другими, так как **есть общий, коллективный договор, в котором учтены потребности и интересы всех**. «Я создаю правила своей жизни, я их исполняю», — таким должен быть **нравственный императив правового сознания школьника**. С решением этой задачи, полагаю, во многом может быть решена и проблема подлинного детского самоуправления в школе. Не имитация бюрократических процедур, на что так щедры придумщики «новых цивилизаций», а **самоорганизация жизни**. О том, как создавать **свои** правила, очень чётко, ярко и технологично рассказали американские психологи Лиса Кумекер и Джуан Шейн (см. журнал «Сельская школа», 2004г. №3–6, 2005г. № 1, 2, 4 Лиса Кумекер, Джулиан Шейн).

В практике же нашей отечественной школы произошло нечто противоположное: игнорирование, отторжение, неприятие детьми главного Закона школы. Он превратился в дубину над головой учеников и воспринимается ими, как дубина. Потому его нарушение в среде подростков считается едва ли не подвигом. Стукнул соседа, нарисовал в туалете непристойность, сорвал урок, разбил окно — герой! Воспитательный процесс, как известно, диалектичен, средства воспитания можно повернуть остриём как во благо воспитанника, так и против него. Это не с ребёнком произошла беда — подмена смысла, а с нами. Произошла аберрация педагогического зрения: не в ту сторону глаза смотрят... И не то видят... Поэтому и действуем мы с результатом «ровно наоборот».

Каковы причины подобной подмены ценностей? Как исправить ситуацию? Не берусь ответить на эти вопросы строго рецептурно. Напомню лишь несколько традиционных явлений, которые все школьные жители наблюдают, но вряд ли о них задумываются, иначе такого не было

бы. В школьном коридоре висит обычно только стенд с Правилами поведения школьников. А почему рядом не висят Правила поведения педагога («Кодекс педагогической чести»)? А ведь декларируем равноправие, считаем детей равноправными субъектами педагогического процесса! Значит, мы демократичны только на словах, а не на деле и только «для себя»? Или считаем, что только дети обязаны жить по правилам, а педагогам тоже «закон не писан»? Думаю, что подобная практика — убедительный ответ на тест **о действительном состоянии демократии в стране**: слышат ли на верхних и самых верхних управленческих этажах мнение учителей, да и просто жителей страны, её граждан?

Сегодня практически любой школьник скажет, что главные нарушители принципов школьной справедливости — именно учителя. Конечно же, они руководствуются при этом благом ученика. Учительница физики в школе, где я был директором, постоянно доводила некоторых старшеклассниц до слёз, добиваясь отменных знаний по физике. В перерыве она подходила к плачущей школьнице и говорила всегда одно и то же: «Вырастешь — спасибо скажешь!» За что? За унижение предметом, который, скорее всего, никогда не пригодится этой девушке в жизни? Кстати, учительница — очень хороший физик, добросовестный работник, подготовила многих победителей олимпиад по своему предмету. Но хороший ли она педагог, если руководствовалась святым для неё принципом: все другие предметы можно не знать, но физику любой ценой, даже ценой унижения знать обязаны все. Для их же счастья. И это убеждение из неё не вытравить ни на каких «директорских коврах»...

Так нужна ли демократия подобным учителям? Нужны ли правила поведения учителей? Нужен ли им Кодекс чести, да ещё к тому же и вывешенный на обозрение всем ученикам школы, которые, как известно, — самые строгие и бескомпромиссные контролёры школьной справедливости? Представьте себе, если Кодекс будет начинаться так:

- ни при каких обстоятельствах не кричать на ученика — это педагогическое бессилие;
- не «хлестать двойками» — это дидактическая некомпетентность;
- не приклеивать ярлыки: «тупица», «лодырь», «разгильдяй» — это педагогическая невоспитанность;
- не жаловаться родителям — это маскировка своего непрофессионализма.

И почему рядом с «Правилами поведения школьника» нет Правил поведения директора школы? В нашем престол-Отечестве почему-то любой начальник получает сакральный, почти мистический ореол безупречности: «директор не опаздывает, а задерживается», он всегда прав, может иногда и слукавить (и это ему простят). У нас в золотой копилке фольклора есть даже пословица: «Я — начальник, ты — дурак...» Грубо, но иногда очень точно отражающая «демократию отношений». Жаль такую школу, к счастью, в большинстве школ не так. Мы не зря называем директоров национальным достоянием страны, многие школы называем их именами. Ведь именно от директора должна исходить та культура, та аура добра, справедливости, защищённости, которая определяет уклад, дух, сам воздух образовательного учреждения. В наших школах директор прежде всегда был «учителем учителей», а не расчётливым, холодным менеджером, чья функция — расставить «персонал по местам»,

«дать задания», «организовать контроль». Следовательно, его высокая директорская миссия должна быть где-то прописана и всем известна, — **для того, чтобы коллективными усилиями её охранять как коллективную «организационную культуру».**

Если бы сегодня я был директором школы, то обязательно вывесил бы правила и для техперсонала. Скажите: что унесёт из школы ребёнок в душе, если директор и учителя что-то там «танцуют» про гуманизм, уважение к достоинству школьника, а охранник провожает их на выходе матом, а техслужащая — шваброй чуть ли не поперёк спины? Вернусь снова к «школе самоуправления» А.Н. Тубельского. В ней было много законов: от школьной Конституции до положений о дискотеке, школьном кафе, вандализме и т.д. По существу, они упорядочивали всё школьное пространство, превращая его в правовое. И эти законы разрабатывали сами школьники вместе с педагогами — все граждане школы, постоянно пополняя, уточняя их в течение школьной жизни. Демократия — это искусство договариваться, умение самим строить свою жизнь по законам гармонии.

Создание правил для учащихся, а тем более целостного школьного законодательства не должно быть одноразовой повесткой школьного парламента, конференции или одного педсовета. Это — отдельное, постоянное направление педагогической работы в школе, такое же важное, как качество обученности, как воспитание трудовое, нравственное, физическое.

Сегодня на всех программах ТВ идут заседания судов. И эти передачи люди охотно смотрят. Стало быть, они нуждаются в знании процедур судопроизводства. Ещё больше в таком знании нуждаются молодые люди, подростки. Но школьный суд — не инструмент устрашения. Я предложил одному директору ижевской школы создать такой орган — он со страхом отказался: «Вы что, мы получили миллион, у меня хорошая, тихая школа, в ней, слава Богу, нет никаких ЧП». Это очень хороший, умный директор. И он не виноват, что видит в суде только инструмент наказания. У большинства из нас — традиционное представление о гражданско-правовом воспитании, которое мы видим только в учебном предмете, в классных часах и беседах на правовые темы.

Но детский суд был и работал в коллективах великих педагогов-практиков: у С.Т. Шацкого, А.С. Макаренко, даже у Януша Корчака — великого гуманиста. У Я. Корчака в законодательном кодексе, как известно, было перечислено сто видов правонарушений школьников, т.е. сто статей. Но только одна из них предусматривала наказание, остальные девяносто девять предписывали судьям требование простить нарушителя дисциплины! Таким образом, Януш Корчак детским судом учил детей не расправе, не мщению, а дисциплине (чего не надо делать) и умению прощать! Не правда ли, в наше жестокое время это совсем не лишняя компетенция, как говорят сегодня. И очень нужная людям и обществу.

Вслед за созданием правового пространства с необходимостью встает главный вопрос: куда девать свою свободу? На что её употребить? По Достоевскому, это самый сложный вопрос для человека. В особенности, русского, у которого свобода ассоциируется с волей и своеволием. А это уже чревато потерей нравственности. «Свобода от нравственности есть

самая страшная несвобода», — утверждал талантливый наш актёр Леонид Филатов.

Ответ на вопрос «Куда девать свободу?» нельзя свести к совету: учиться. Известно, что учебная деятельность — ведущая только в начальной школе, в подростковом же и юношеском возрасте у ребят другие требования к содержанию школьной жизни. Им хочется попробовать и проявить себя в разных видах деятельности, социально значимой, творческой, предоставляющей молодому человеку возможность выбора дела, друзей, права сказать «да» или «нет». Хорошо, если вторая половина школьного дня даёт ученику такую возможность — заняться другим делом: художественным, техническим творчеством, спортом. Сегодня из школы исчез труд во всех формах: разрушены школьные мастерские, преступным считается даже самообслуживание (запрещает Закон РФ «Об образовании»). Видно, государству не нужны «золотые руки» рабочего, ему нужны только «белые воротнички» бюрократов, начальников. И это в стране, где разрушена экономика... А ведь труд — не только дополнительное, а точнее, дополняющее образование, но ещё и воспитание ответственности, дисциплины, нравственности. Чем больше в школе кружков, секций, клубов, разного рода студий, творческих театров, «посиделок», тем лучше школа, тем вернее она служит ребёнку. Ведь известно, что на уроке не все дети успешны. А после уроков двоечник по математике становится в мастерской или на спортплощадке гордостью учителя-«трудолика» и учителя физкультуры...

Интерьер школы — это тоже школьная среда, имеющая вполне самостоятельное воспитательное значение. Нет ничего более убийственного для авторитета школы в глазах детей и родителей, чем обшарпанные стены, неухоженные туалеты, расписанный фронтон. Внутренний интерьер школы, в котором живут ребята, автоматически отпечатывается в глубинах их подсознания и потому влияет на их мировосприятие. На школьных стендах изображено многое: государственная символика, информация МЧС, сведения о противопожарной безопасности, правила дорожного движения. Конечно, такие стенды нужны. За их оформление с директора спрашивают все, кому не лень, без этого к началу учебного года не примут школу. Но на стендах нет главного, что нужно самой школе: посетитель ничего не узнаёт о том, что делается в школе, к чему она стремится, кто её герои. В то же время в кабинете директора размещён целый «иконостас» из многочисленных грамот, дипломов, лицензий. Конечно же, им место в коридорах, на публике — это живые доказательства школьных достижений. И они должны работать на авторитет школы, на доверие родителей, на воспитание детей. Оформление стен должно быть говорящим, просвещающим, духоподъёмным. Вместе с основными правилами, о которых идёт речь, защищающими свободу школьника, на самой светлой стене, в которую упирается глазом всяк входящий в школу, целесообразно разместить информацию, в доступном изложении рассказывающую о том, чем живёт школа, куда ведёт детей, какими ресурсами располагает. На стендах для всеобщего обозрения стоит вывесить педагогические принципы, с помощью которых педагоги идут к достижению целей и задач школы. Это были бы, конечно, гуманистические принципы:

- каждый ребёнок от природы хочет быть честным, добрым, справедливым;
- каждый ребёнок талантлив, но талант у каждого свой и разный;
- каждый ребёнок у любого учителя всегда найдёт помощь и защиту;
- каждый учитель отдаст своему ученику знания и умения, которыми владеет.

И так далее. Родители и ученики должны знать и верить, что **в их родной школе царит дух единства, взаимопомощи, справедливости.**

Хорошо бы вывесить перечень всех видов деятельности, которые, кроме учения, предоставляет школа своим ученикам: список кружков, студий, секций, клубов, органов самоуправления, где каждый ребёнок мог бы проявить себя. Общественность школы должна знать и быть благодарной педагогическому коллективу за его усилия и труд. Почему бы не оповестить школьное и родительское сообщество и о тех достижениях, победах, которых достигла школа, и не вывесить сертификаты, грамоты, дипломы, кубки, которые завоевали ученики и их педагоги? Здесь бы вывесить крупным планом, в цвете (благо, сегодня с этим нет проблем) портреты школьных героев, причём с перечнем их достижений и заслуг, которыми они прославили родную школу. Рядом висели бы и портреты медалистов. Эта Стена почёта стала бы и гордостью школы. Безусловно, здесь было бы отведено почётное место и портретам педагогов: мастеров-ветеранов и молодых, энергичных, талантливых под энергично-лиричным заглавием: «И мастерство, и вдохновенье!». Каждый, кто входит в школу, окинув взглядом эту парадную, торжественную стену, получил бы полное представление о богатой и творческой жизни коллектива учителей и воспитанников. Со знакомства с этой информацией начинался бы первый день школьной жизни первоклассников, их родителей, и бывших учеников на очередной встрече после выпуска.

Говоря о дисциплине, о воспитательном влиянии оформления школы, её открытости окружающим, я думаю прежде всего о воспитании как «питании» детской души знанием, трудом, примерами, успехом, обретением ответственности, переживанием радости в общем школьном доме. Доме — своём и родном. Иначе нельзя: «...если наш ребёнок не будет чувствовать, что этот дом принадлежит и ему тоже, он сделает своим домом улицу» (Н. Ротшильд).

Конечно, разговор о дисциплине в школе, — тема скучная. Но когда вокруг «посмотреть да посравнить», с особой остротой поймёшь, что школа и жизнь — понятия нерасторжимые. И «скучная вечная тема» обернулась сегодня такой остротой, что придётся признать: **это самая актуальная, самая супер-инновационная педагогическая проблема, имеющая первостепенное значение для социально-экономического развития страны.** Ибо человек, не привыкший к дисциплине, а значит, к ответственности, загубит самое необходимое обществу, самое доброе и щедро профинансированное дело...

Совсем недавно Президент Дмитрий Медведев публично заявил (программа «Время» 16 марта этого года), что вопросы исполнительной дисциплины и ответственности становятся сегодня самыми главными... Можно ли вывести школу «за скобы» этого требования?